

ВОРОШИЛ ГУКАСЯН

ДРЕВНИЕ ТЮРКИЗМЫ В УДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование древних тюркизмов в удинском и других горских кавказских языках имеет большое научное значение. Оно, во-первых, поможет специалистам по кавказским языкам четко разграничить исконные элементы от заимствованных. Практика показывает, что такое разграничение не всегда возможно и попытки языковедов не всегда увенчивались успехом. Как отмечает А. С. Чикобава, „отнюдь не всегда легко выделить заимствованные слова, отличить „свое“ от „чужого“, особенно когда дело касается времен, давным давно минувших. Такие заимствованные слова вполне ассимилируются в новой среде, меняя подчас и внешний облик... Иногда заимствованное слово может быть представлено даже закономерными звукосоответствиями в сравниваемых языках; это признак того, что заимствованное слово проделало большой путь развития в новой языковой среде. Такие слова весьма ценны для истории языка“.¹

Немало случаев, когда специалисты путем внутренней реконструкции восстанавливают даже праязыковую форму таких слов, не обращая внимание на то, что они всего лишь древние заимствования. Это в свою очередь создает огромную помеху в исследовании истории этих языков. При этом компаративисту не помогает даже испытанный сравнительно-исторический метод. Ведь, как отметил еще А. Мейе, „несмотря на обычную неустойчивость словарного состава, все же именно лексические соответствия прежде всего бросаются в глаза при сравнении языков“.²

Во-вторых, и что самое главное, такое исследование окажет неоценимую помощь в изучении истории формирования общенародного азербайджанского языка в исторически многоязычном Азербайджане, истории происхождения азербайджанского народа. Ведь общеизвестно, что лексика языка это не просто совокупность отдельных слов с их семантикой. „В лексике находят отражение обычно все крупные, а подчас и мелкие события истории общества. По лексическим заимствованиям иногда можно восстановить не только историю отношений того или иного народа с другими народами, но и характер этих отношений. Поэтому лексические заимствования из одного языка в другой часто используются как весьма ценные исторические свидетельства“.³

Наконец, как верно отмечает Г. Д. Санжеев, „показания именно неродственных языков часто могут быть использованы при реконструкции форм изучаемого языка, особенно в случаях ранних заимствований, относящихся к дописьменному периоду“.⁴ В свете сказанного отметим, что в удинском языке мы имеем такие древние заимст

¹ Арн. Ч и к о б а в а. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь (на груз. яз). Тбилиси, 1938, стр. XIV.

² А. М е й е. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 35.

³ В. А. З в е г и н ц е в. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 245.

⁴ Г. Д. С а н ж е е в. О тюркско-монгольских лингвистических параллелях. „Советская тюркология“, 1973, № 6, стр. 73.

ния, которые отсутствуют в той же форме в современном азербайджанском языке.

В данной статье лингвистическому (в определенной мере и историко-этимологическому) анализу подверглись следующие тюркизмы: 1) слова, которые не представлены в лексическом составе азербайджанского языка в той же фонетической и семантической модели; 2) слова, которые не зафиксированы в азербайджанских письменных памятниках и редко встречаются в диалектах и говорах азербайджанского языка; 3) слова, которые зафиксированы в азербайджанских письменных памятниках до XVIII века; 4) слова, употреблявшиеся в азербайджанском языке в XI—XVIII вв. и сохранившие ту же фонетическую форму и семантику; 5) слова, которые в основном наличествуют в северных и западных группах диалектов и говоров азербайджанского языка. Здесь же рассматриваются иранские, арабские и монгольские слова, которые проникли в удинский язык через посредство азербайджанского.

* * *

Говоря об адаптации азербайджанских звуков и замещении их соответствующими удинскими, необходимо иметь в виду время заимствования, а также конкретный тюркский источник заимствования. В противном случае мы можем постулировать звукозамещение в тех словах, в которых его на самом деле не было. Например, ауслаутный и инлаутный „у“ в таких удинских тюркизмах, как **агу** „яд, отрав, горечь“; **бичгу** „пила“; **ашуф** „певец-импровизатор“; **йайлуф** „платок“, а также в словообразовательном аффиксе -луф и т. п. нельзя считать замещением современного азербайджанского „ы“ (ср. азерб. *агы*, *бичгы*, *ашыг*, *јајлыг*, — лыг). Древнетюркский „у“ в удинском языке остался таким же как в источнике заимствования, а в современном азербайджанском языке ему соответствует „ы“. Сказанное относится и к чередованию „у~о“, которое имелось и в самих древнетюркских языках (ср. **ойуф~уйуф** „огородное пугало, призрак“, **ой~уй** „трамбовать“, **ойгур~уйгур** „будить“ и т. д.). Удинский **отI** „стыд, срам“ (ср. азерб. диалектный *отан* „стесняться“), **ошI** „крыло, конец, край“ (ср. азерб. *уч/уц*) и другие восходят к их древнетюркским эквивалентам.

* * *

Агьу.* 1. „яд, отрав“; 2. „горький“. **ДизикIин агьу** „змеиный яд“ (букв. яд змеи); **Агьу бали** „горькая вишня“; **Агьу бакесун** „быть, стать горьким“, делаться ядовитым“; **Агьуламиш бакесун** „отравляться, отравиться“ (УАРС, 35);

Слово **агьу** в удинском языке не подвергалось фонетическому изменению. В отличие от *агы* современного азербайджанского языка в староазербайджанском и других тюркских языках оно употреблено с

* Для передачи тюркизмов в удинском языке использована принятая для горских кавказских языков транскрипция, созданная на основе русской графики с добавлением к ней знаков для некоторых звуков. Палочка (I) в сочетании с „ж“, „к“, „п“, „т“, „ч“, „ц“, „дж“ показывает преруптивы *kl*, *pl*, *tl*; щипящие спиранты *jl*, *sl*; переднеязычные непридыхательные аффикаты *cl*, *cl*; альвеолярно-дорсальный аффикат *djl*; присоединением твердого знака (ъ) к гласным „а“, „е“, „и“, „ы“, „о“, „у“ и согласным „к“, „х“ изображаются фарингализованные гласные *аъ*, *еъ*, *иъ*, *ыъ*, *оъ*, *уъ* и фарингальные согласные *къ*, *хъ*; присоединением мягкого знака (ь) к гласным „а“, „о“, „у“ и согласному „г“ обозначаются гласные *аь*, *оь*, *уь*, схожие с азербайджанскими *э*, *ө*, *ү* и согласный *гь* (*h*); „е“ обозначает отдельную фонему и фактически является эквивалентом азербайджанского „е“.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 355.

⁶ Цитаты из сочинений азербайджанских классиков, а также из словаря Махмуда Кашгарского и из „Китаби-деде Коркут“ переведены на русский язык мною.

исходным „у“ — **агу**. В этой форме оно отмечено еще в орхонских письменных памятниках⁵, в словаре Махмуда Кашгарского оно дано как **خو** (МК, I, 86), в таком же виде зафиксировано в „Кутадгу билиг“, „Китаби-деде Коркут“, словаре Ибн Муханны, в сочинениях Насими, Хатаи и последующих поэтов (см.:... *qalı qarni aḡsa bilip jer aḡu* „если живот отощает, то и отраву [aḡu] заведомо поедает“ — ДТС, 24; Лә'луни ким јад едәрсә нуш олар ағу ана „Кто вспоминает твои рубиновые (губы), тому приятен даже яд“ — НДЛ, 44)⁶.

В удинском языке семантика слова **агъу** полностью сохранена: оно соединяет в себе семантику азербайджанских **ағы** и **ачы**.

Агьулугъ 1. „ядовитость, отравленность; 2. „горечь“ (УАРС, 35). Древнетюркское *aḡuluḡ* (см. ДТС, 24, ЭСТЯ, 67) в удинском языке не подвергался фонетическому и семантическому изменениям. Оно состоит от *aḡu* и словообразовательного аффикса — *luḡ*, который в удинском языке имеет функциональную активность и даже статус искомого элемента, ибо он присоединяется и к исконно удинским словам.

Айакъ „чаша, кубок, бокал, стакан“; **чайе айакъ** „чайный стакан“; **фине айакъ** „стакан, бокал для вина“... (УАРС, 38). Данное слово в современном азербайджанском языке не употребляется, но мы его находим почти во всех древнетюркских памятниках. Примечателен тот факт, что не все значения *ajaq* одинаково были представлены в отдельных тюркских языках: в одних оно употреблялось и употребляется в значении „чаша“, в других — „миска“, в третьих — „мера объема“ (ДТС, 27, ЭСТЯ, 105); а в удинском все эти значения совмещены в одном „**айакъ**“.

Говоря о слове *ajaq* (آيق) Махмуд Кашгарский отметил, что оно в значении кубка, чаши, бокала (*ṣape, kâse, kadeh*) употреблялось у кипчаков и у других тюрков, кроме огузов; огузы не знали слово „*ajaq*“, вместо него они употребляли „чанак“ (...*Bunu oguzlar bilmezler, onlar bu kış şejlere Çanak derler* — МК, I, 84). Э. В. Севортян также пишет, что „за исключением отдельных памятников (Korkut) *айак* мало сохранился в огузских языках, где он рано был вытеснен арабскими *qadeh* (قدح) и персидским *kase* (کاسه)“ (ЭСТЯ, 105). С таким мнением согласиться трудно. Ибо *ajaq* и в огузских языках употреблялся, причем не только в XI—XIII вв., особенно в „Китаби-деде Коркут“, но и в азербайджанских письменных памятниках вплоть до XIX века (см.: у Насими: *ичәр шәрабы лә'ли—чу сәрхош, өпәр әјағ* „Пьет вино пьяный как драгоценную воду и целует бокал“ — НДЛ, 189; у Месихи: *Јандур кәл о нуридән чирағым, Долдур кел о нуридән әјағым* „Прошу зажги свечу мою от того огня, наполни тем светом (вином) бокал мой“; у Сеида Азими Ширвани: *Та кириб мејханә ичрә башыма чәкдим ајағ*. „Войдя в питейный дом, выпил бокал вина (букв. тянул на голову бокал...)“). Заимствованные слова *badā, pijalā, qādāh, kasa, stākan* вытеснили из употребления в азербайджанском языке исконный „*ajaq*“, который без синонима широко употребляется в удинском, а также в родственных ему языках (см. агул. *һайак*, рутуль. *һейек*, табасаран. *һаак*...),

„*Ajaq*“ в удинском языке не подвергался фонетическому видоизменению. Как и во всех других случаях, здесь древнетюркский смычный „*q*“ (ق) передан через посредство смычно-гортанного „*къ*“.

Айт/аьйит „слово, речь“; **Айтбаайт** (ср. азерб. *сөзбәсөз*) „слово; слово; дословно“; **Айтпесун** „сказать слово, говорить“... (УАРС, 39).

Судя по письменным источникам, в древнетюркских языках ос

⁵ Подробно о -луғ см.: Г у к а с я н В о р о ш и л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973. стр. 28—30.

новой этого слова было *aj*-(см. ДТС, 25; ИЛЯА, 32; ЭСТЯ, 99—100). Но в тех же источниках мы находим параллельное употребление *aj~ajt/ajit*, как и в удинском языке. В словаре Махмуда Кашгарского *ajit* толкуется как многозначное слово. В одном случае он его относит к огузским языкам в значении „рассказ(ыв)ать“ (*ayit: söylemek, oğuzca*—МК, I, 33), в другом—„спрашивать“ *ayitti: ol manga söz ayitti* „он у меня спросил слово“—МК, I, 214). В „Кутадгу билиг“ наряду с „говорить“ (см. *bab til erdāmin aşıġın jasin ajur* „[седьмая] глава говорит о достоинствах, пользе и вреде языка“—ДТС, 25), встречается весьма интересное значение *ajit*, а именно „называть“ (см. *Tāziklār ajur anī Afrasijab* „Иранцы называют его Афрасиабом“—ДТС, 25).

В азербайджанских письменных источниках данное слово в основном употреблялось в виде *aj*- и *ajyt* см: Дирсə хан *ajdyr* „Дирсе хан говорит“ (КДГ, стр. 17), но: *Ajytды:—jox, ol annyn babasydyr* „сказал (или—говорил):—нет; тот отец его“ (КДГ, стр. 145); *Бана ajdur, ej Nəsimi, səbr gyl, etmə fəğan* „Мне говорит, о Насими; терпи, не стнай“ (НДЛ, 55); *Сорду она ки: Сəбамисən сən?... Ajdyr ки:—Бəли, Сəба мənəm* „Спросил ее, ты ли Саба. Ответила [та]—да, Саба я“. (Хəтан. Дəһнамə, Баку, 1959, стр. 48) и т. д.

Хотя *aj-/ajit* для современного азербайджанского языка является архаизмом (изредка встречается в физиулинских говорах в форме *ajmaġ* „говорить, рассказывать“)⁸, но он широко употребляется во многих современных тюркских языках (ЭСТЯ, 99—100), а в киргизском, казахском и каракалпакском языках поэтическое состязание акынов в импровизации называется „*ajtyş/ajtys*“⁹.

Aj-/Ajit почти всеми тюркологами отмечаются как глагольная основа (см. ДТС, 25, 30; ЭСТЯ, 99—100), а в удинском языке это слово является не только глагольной, но и именной основой: например, *ajt/ajit* „слово, речь“; „говорить, сказать“; **айтпесун** „говорить“ (букв. сказать слово); **айтпестун** „допросить, заставить (или просить) говорить“; **айтакьсун** „получить обещание“ (букв. получить слово) и т. д. (УАРС, 39—40),

Думается, что семантическое поле „*ajt*“ расширилось не на почве удинского языка. Если учесть, что *aj-/ajit* наличествует в древнейших тюркских памятниках, то можно допустить а priori, что оно заимствовано удинским в тот период, когда еще не завершилась дифференциация имен и глаголов в тюркских языках.

Ахъ//Ар(х)/ор- „река, ручей, канава“; „родник, ключ, водоем, бассейн“ (УАРС, 41, 183).

Древнетюркские **ак-** „течь, истекать...“, **арыг** „канава, канал, ручей“ и **ор-** (ср. алтайск. „оро“) „ров, яма“ в удинском языке претерпели небольшое семантическое изменение: первое и второе в нем значат „река, ручей, канава“, а третье—„родник, ключ, водоем, бассейн“.

Отметим, что **ар(х)** и **арык** в тюркских языках, хотя являются фонетическими разновидностями одной основы **аруг/арык** (см. *arġg* ручей, арык: *Eg arġg gazdı* „Мужчина прокопал канаву“—МК, II, 10), но в удинском, армянском и грузинском языках заимствованы в разное время.

Говоря о древних тюркизмах в армянском языке, К. П. Патканян

⁸ Диалектологический словарь азербайджанского языка. Баку, 1964, стр. 26.

⁹ И. Б а ж и н а. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке. „Советская тюркология“, Баку, 1972, № 5, стр. 40; Словарь литературоведческих терминов. М., „Просвещение“, 1974, стр. 9.

отметил, что армянскими источниками V—VI вв., наряду с **аруг** „худой, тощий“, зафиксировано и слово **ару** (г) „канава, ручей“¹⁰.

Этимологизируя указанные слова в армянском языке, Р. А. Ачарян писал, что первое из них было заимствовано до V века, а второе (т. е. арх) впервые зафиксировано в одной армянской надписи, относящейся к 996 году, в сочетании со словом „джур“ (вода)—*джури арх* „водная канава“.¹¹

К этому же периоду относится слово „арх“ в грузинском языке. Ибо в грузинских источниках XI—XIII вв. неоднократно упоминается канал в Восточной Грузии под названием **Архи ули** (т. е. *улу арх* „длинная, большая канава“, возможно, „древняя канава“), а на территории Болинисского района крепость—*Архи цихе* (крепость, обнесенная канавой)¹², которую азербайджанцы, проживающие здесь испокон веков, называют **Архлы гала**.

Интересен тот факт, что Р. А. Ачарян удинский **ороин/ораин** относит к *аруг*. Однако, по-видимому, „ороин“ в значении „родник, ключ, водоем“ скорее всего восходит к тюркско-алтайскому **ор-оро** „ров, яма“ (ЭСТЯ, 466—467). В древнетюркских языках были и производная форма **ора** со значением „ров, яма“ (там же, 467). **Оро** и **ару** в тюркских языках фактически являются вариантами одной основы, ибо варьирование о~у у~о является закономерным фонетическим процессом в этих языках (см. СФТЯ, 75—76). По всей вероятности, данное слово проникло в удинский язык как „оро“ или „ора“, к которому позже был добавлен суффикс принадлежности *ин* (ср. удин. **ахъ** „грудь, горный склон“, но **ахъуън** „поле, пашня на горных склонах“, где -уън является вариантом -ин). Сказанное относится и к удинскому **ахъ/охъ** „река, ручей“, восходящему к тюркскому *ак-/ах-* „течь, протечь, истекать“; *акын/ахын* „поток“ (МК, 1,735; ДТС, 48). Здесь имел место аналогичный случай с „айт“: тюркская основа является (точнее сохранена!) как глагол, а в удинском она функционирует как глагол, так и имя. Знаменателен тот факт, что в отличие от всех диалектов и говоров азербайджанского языка, в казахском диалекте наличествует слово **ох** (вариант *ок~охъ*) в значении „канава, арык“. В данной зоне, а именно в Таузском районе, до 30-х годов XX века был представлен кирзанский диалект удинского языка¹³. Следовательно, **ахъ~охъ** в удинский язык проникло через посредство казахского диалекта, либо наоборот. Если учесть, что „ох“ представлен только лишь в казахском диалекте азербайджанского языка, то можно допустить а priori, что это древнетюркское слово в данном диалекте заимствовано через кирзанский диалект удинского языка.

Бедуьк/ПлетуькI „большой, великий; старший“. Данное слово употребляется только в ниджском диалекте удинского языка в указанных значениях. См.: *Шоно бедук амдаре* или просто: *Шоно плетуькI* „Он большой (человек)“.

Бедуьк с инлаутным „д“, в азербайджанском языке не употреб-

¹⁰ К. П а т к а н о в. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. Изв. Кавказского отдела императорского Русского географического общества, т. VI, № 1, Тифлис, 1879, стр. 46.

¹¹ Р. А. А ч а р я н. Этимологический коренной словарь армянского языка (на арм.яз.), т. I, Ереван, 1971, стр. 264—265; 317—318.

¹² Грузин. источник XI века „Матиане Картлиса“. Тбилиси, „Мецниереба“, 1976, стр. 51.

¹³ Об удилах см. Кирзан см, А. Д. Е р и ц о в. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елизаветпольской губернии. „Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края“, т. II, часть 2, Тифлис, 1886, стр. 44; Дүнјада үчүнчү удин кэнди. „Ингилаб вә мәдәнијјәт“, Баку, 1930, № 10, стр. 40.

ляется, в нем мы имеем „бөјүк“; в древнетюркских языках в значении „большой, крупный, великий“ **бедуьк** употреблялся широко (см.: be-dük tevi „большой верблюд“—МК, I, 193; ДТС, 91; в уйгурских письменных памятниках: Üc bedük közlâri „его три больших глаза“—ДТС, 91). Можно допустить, что слово **бедуьк** в удинский язык проникло через посредство какого-то диалекта языков савиро-хазарского союза. Кроме того, в удинском мы имеем и некоторые древнетюркские слова с анлаутным „д“ вместо „й“, как например, **дар/дардар** (вместо йар) „утес, скала“, „яма, провал“.

ЖлукI „веретено, ручная прялка“ (УАРС, 115). Данное слово в указанных значениях не встречается ни в азербайджанских письменных памятниках, ни в диалектах и говорах азербайджанского языка. В них мы имеем „иг>ий“ восходящий к „йик/йиг“, соответствующей форме „йиг/йик“ большинство древнетюркских (resp. в основном огузских) письменных памятников (МК, I, 48; ДТС, 260—261). Как видно, „йиг/йик“, тем более „иг>ий“ в удинском языке не смогли бы превратиться в „жлукI“. По-видимому **жлукI** восходит к **джук** дж-диалектов языков савиро-хазарского союза. Спирантизация аффикаты „дж“ могла происходить на почве языка-источника, ибо в древнетюркских языках в значении „веретено“ наряду с „джик“ встречается и „жук“ (напр., уйгур. *жик* наряду с *джик* „веретено“¹⁴, хотя данный процесс весьма характерен и для удинского и других горских кавказских языков¹⁵).

Инкаьн „слишком, очень“ (УАРС, 128). (*инкаьн члагн маеки*; „слишком поздно не приходи“).

В тюркских языках Средней Азии и в их письменных памятниках средних веков „инкан“ было представлено довольно широко. Э. Н. Наджип пишет, что в памятниках XIV века „Нахдж ал-Фарадис“ и „Гулистан“ Сейфа Сарай оно встречается часто¹⁶. А. Баттал-Таймас утверждает, что данное слово в форме *ingen* встречается лишь в памятниках хорезмских турок¹⁷. Об ошибочности его мнения подробно говорится в докторской диссертации В. И. Асланова. Однако, к сожалению, В. И. Асланов приводит другие формы. Он пишет: „Частица **эн** „самый“, „очень“ современного азербайджанского литературного языка в ряде диалектов произносится как эн. Это же слово в „Памятнике в честь Кюль—Тегина“ и в древнеуйгурских памятниках имеет форму эн. В письменных памятниках турецкого и азербайджанского языков до XVII века параллельно с эн встречается и инэн/икэн в том же значении“ (ИЛАЯ, 13).

Для опровержения мнения А. Баттал—Таймаса достаточно было бы привести удинскую форму „инкаьн“ с той же семантикой, какую имеет хорезмский *ingen*. В удинский язык данное слово, видимо, проникло до XVII века из азербайджанского языка, оно широко употребляется также в диалектах и говорах армянского языка, представленных на территории Азерб. ССР (*ingân şat cixoses* „не слишком уж много говори“), встречается, хотя и редко, в куткашенских и варташенских говорах азербайджанского языка.

кашI, -кашI **песун** 1. „копать“, „рыть“; 2. „кусать“, „укусить“ **кашIкIал** „копатель...“ (УАРС, 133).

¹⁴ Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

¹⁵ И. Д. К о б а л а в а. Процессы аффрикатизации и деаффрикатизации в иберийско-кавказских языках. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1959.

¹⁶ Э. Н. Н а д ж и п. О памятнике XIV века „Нахдж ал-Фарадис“ и его языке. „Советская тюркология“, 1971, №6, стр. 66—67; Тюркоязычный памятник XIV века „Гулистан“ Сейфа Сарай и его язык, ч. II, Алма-Ата, „Наука“, 1975, стр. 82—83.

¹⁷ A B a t t a l - T a y m a s. Scyf Sarayinin Gulustani tercumesini gözden geciris. Türk dili arastirmalari yilligi, Belleten, Ankara, 1955, s. 93

Слово **кашI** — заимствовано в удинский язык, по-моему, до возникновения первичной долготы в тюркских языках. Как известно, озвончение последующих, особенно ауслаутных, согласных в тюркских языках связано с возникновением первичной долготы (см. СФТЯ, 47—58, 122—137). Так как озвончение согласных в конце односложных слов в азербайджанском языке связано с утратой долготы предшествующими гласными, а для удинского языка не характерны долгие гласные, — то и в нем как раз сохранились древние глухие варианты, на подобие **кашI** — <кас-, пос—и др. (ср. др. тюрк. — азерб.: * **ās** > аз „мало“, * **ās** > аз- „заблуждаться“, * **ās** > аз- „давить“, * **kās** > газ „гусь“, * **kās** > газ = „копать“ и т. д.).

Из древнетюркского соответствия **ц~ч~ш~с**¹⁸ в удинском языке эквивалентом в данном случае был „ш“ (ср. др. тюрк. **чаб**, шорск. **шап**, барабинск. **цап** „слава“).

Канькиш — **Kāngāš** „совет, собрание“. **Каьнкшибесун** „посоветоваться“ (УАРС, 147).

Kāngāš у древних тюрков обозначалось собрание верховных правителей. Наличие таких собраний у огузов в X веке подтверждается в книге Ахмеда ибн Фадлана. Он отмечает, что как советы огузских правителей, так и народное собрание огузов назывались **gāngāš** или **kāpkaš**¹⁹. Это подтверждается и в словаре Махмуда Кашгарского (МК, Ш, 365 — **Kengeš**... **mūšavere**) и в „Кутадгу билиг“ Юсифа Бала-сагунского (ДТС, 299).

Староазербайджанское **кәнкәш** ~ **кәнкиш** в современном азербайджанском литературном языке не сохранилось, оно вытеснено **словами — синонимами** „мәсләһәт“ „совет“, „мүшавирә“. Но в шекинском диалекте, в варташенских и куткашенских говорах, а также в агдашских и геокчайских переходных говорах наличествует именная форма „кәнәшик“ и глагол „кәнишмах“²⁰. Данная форма соответствует форме **кеңәш**, **кепәш**²¹, зафиксированной в „Кутадгу билиг“ (ДТС, 299).

Удинская форма, по-видимому, восходит к староазербайджанской **gāngiš** откуда и поговорка „**gāngiš jeri geng olar**“ (то, что делается сообща, советом многих, имеет широкий размах). Она в удинском языке не подвергалась фонетическим и семантическим изменениям. **Кәнкәш**, по всей вероятности, имеет иранское происхождение, в современном персидском языке это слово означает: „совет, совещание“, „консультирование“, „осмотр“ и т. д.²¹

хъай-, **хъайбаксун** „вернуться, возвращаться“, **хъайдесун** „вернуть, возвращать“ (УАРС, 162).

Данная глагольная основа соответствует древнетюркскому ***кај** — „возвращаться“, „поворачиваться“ и староазербайджанскому **кај-с** той же семантикой; в современном азербайджанском языке она наличествует с звонким коррелятом „к“, а именно, как „гај-“, к которому никак не может восходить удинский **хъай-**. Ибо заимствованные слова из азербайджанского языка с ауслаутным „г“ в удинском регулярно передаются посредством смычно-гортанного „кь“ (ср. **габ** > **къав**

¹⁸ А. П. Дульзон Установление архетипа фонемы межязыковым рядом альтернатив. „Советская тюркология“, 1973, № 5, стр. 98.

¹⁹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956, с. 24—25.

²⁰ Муса Исламов. Азәрбајҹан дилинин Нуха диалекти. Баку, „Элм“ 1968, стр. 249; Диалектологический словарь азербайджанского языка. Баку, 1964, стр. 281; А. Г. Велиев. О некоторых особенностях переходных говоров азербайджанского языка, „Вопросы диалектологии тюркских языков“, Баку, 1963, стр. 89—102.

²¹ Персидско-русский словарь. Под редакцией Ю. А. Рубинчика, т. 2. М., 1970, стр. 362.

„посуда“, газ > къаз „гусь“, гум > къум „песок“, саггал > сакъкъал „борода“ . . .), а „к“ — посредством смычно-гортанного „хъ“ (ср. кагыз > хъагъыз „бумага“, касад хъасад „скудный“, когуш > хъогъуш „дупло“ . . .).

къачІ , „узкий“, „тугой“; „кусок“ (арбуза, дыни . . .); „полоса“; **къачІ йакъ** „узкая дорога“; **са къачІ къарпуз** „кусок арбуза“; **къачІ — къачІ ботлесун** „резать по полосам“; **са къачІ ез** „одна линия пашни (УАРС, 155—156). Последнее значение наличествует и в диалектах и говорах азербайджанского языка (см. гаж- в варташенских говорах)²².

В старописьменных памятниках тюркских языков имеется еще два значения этого слова, а именно „часть, группа“ и „раз“ (см. *biḡ kas tewa* „некоторое количество верблюдов“ в „Нахдж ал-Фарадис“)²³. В „Китаби-деде Коркут“ наличествует несколько значений слова „кач/каж“: ол гыrx намәрдин бир гачы огланын јанына кәлди „Из тех сорока злодеев некоторые пришли к юноше“ (КДГ, 21); Бејрәк . . . көрдү бир гач чобанлар јолун гыјысын алмышлар ағларлар „Бейрек . . . увидел что сидят несколько пастухов у дороги и плачут“ (там же, 57).

Къи(й) миш = „не жалеть“, быть беспощадным в отношении кого-то“, **Къи(й)мишбесун** (азерб. *гыјмаг*) „не жалеть“ (УАРС, 158). В современном азербайджанском языке в составе данного глагола отсутствует = *миш* (см. *гыј-маг, гыј-ыл-маг* . . .) в удинском языке, наоборот, — = *миш* является активным глаголообразовательным элементом.

Глагол — та область грамматики, которая менее всего подвергается влиянию иноструктурных языков, но удинским языком вследствие многовекового контакта и длительного интенсивного двуязычия все же был заимствован ряд глагольных основ из азербайджанского языка, например, **бат** = „тонуть“, **кашІ** = (кас =) „копать“, **хъай** = „вернуть(ся)“, **отІ** = „стыд, срам“, **пос** = „разрушать(ся)“, **коьч** = „киснуть“, **тай-** „идти“, **цап-** „косить, рубить“ ман- (из иран. ман- „оставаться“, **фырс** = „скользить“ . . .), а также перфектные формы с -*миш*.

Отметим, что функция -*миш* и -*ламиш* в удинском языке намного шире, чем в азербайджанском. В современном азербайджанском языке -*миш*, с фонетическими вариантами, образует перфект²⁴, а также, приобретая функцию лексико-грамматического аффикса, иногда образует атрибутивные или субстантивные имена (напр., *кечмиш* „прошлый“, „прошедший“; *бишмиш* „варенный“, „спелый“, „зрелый“; *дурмуш* „стоящий“; *өлмуш* „умерший“ и т. д.)²⁵. Функция и семантика -*миш* в диалектах и говорах азербайджанского языка, где он обозначает прошедшее повествовательное время, не развивалась, поскольку этот аффикс имеет многочисленные синонимы — конкуренты.

В удинском языке -*миш* употребляется широко. Когда -*миш* присоединяется к глагольной основе, он обычно сопровождается масдарами **бесун** (десун, кесун . . .) в значении „делать“, **песун** „говорить, сказать“, **бакесун** „быть, иметь; становиться“, соответствующим аффиксам масдара -*маг/-мәк* азербайджанского языка. См.: **къи(й)-миш-бесун** (от азерб. *гыј-*) „не жалеть“; **тлуй-мишбесун** (от азерб. *туј-/дуј-*) „догадаться, чувствовать“; **къан-миш-баксун** (от азерб. *ган-*) „понимать“; **бус-миш-бесун** (от азерб. *бус-*) „следить“ и т. д. Эквивалентами этих удинских глаголов в азербайджанском языке являются: *гыј-маг, дуј-маг, ган-маг, бус-маг* . . .

²² Диалектологический словарь азербайджанского языка, стр. 106.

²³ Э. Н. Наджип. О памятнике XIV века „Нахдж ал-Фарадис“ и его языке, стр. 67.

²⁴ Грамматика азербайджанского языка. Баку, „Элм“, 1971, стр. 125—126.

²⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 348—353.

Но такое семантическое и функциональное отличие *-миш* от своего источника не возникло на почве удинского языка. Это видно даже из того, что большинство этих глаголов в древности было заимствовано из азербайджанского языка. Вместе с тем, хотя в азербайджанском языке имеются и имелись глаголы-причастия **синамиш/сынамыш** „испытанный“, **эзилмиш** „мятый“, **сүрүлмүш** „вспаханное“ и т. д., вышеуказанные формы отсутствуют. Они присущи более древнему периоду функционирования тюркских языков (см., напр.: *ol evkā barg-miř ol* „он отправился домой“, *bermiř seniř bil* „знай, что дали твое“ (ДТС, 658). Кроме того, в ряде тюркских языков мы имеем отглагольные имена существительные, как, например, в башкирском **язмыш** „судьба“, **тормош** „жизнь“, **тарамыш** „связки“, „сухожилия“ и т. д. Такая древняя и вместе с тем широкая функция *-миш* в удинском языке может быть объяснена, во-первых, тем, что с этим аффиксом в удинский язык проникло большое число азербайджанских глагольных форм, во-вторых, что немаловажно, в удинский язык в то время проникли и глагольные основы (см. выше).

Маъчаън „обезьяна“, перен. „обезьяноподобный, урод“ (УАРС, 179).

Общеизвестно, что в древних тюркских языках 9-й год в двенадцатилетнем животном цикле календаря называется „бичин йил“ (год обезьяны). Форма **бичин/бечин** встречается и в диалектах азербайджанского языка; б ~ м — это общегузско-кыпчакское фонетическое соответствие, которое прослеживается и в средневековых кыпчакских словарях, и в современных тюркских языках, в том числе и в азербайджанском (см. бин ~ мин „тысяча“, бән ~ мән „я“, бәһанә ~ маһна „причина“ и т. д.), что, безусловно, тесно связано с параллельными употреблениями огузских и кыпчакских элементов. Период заимствования „маъчаън“, в удинском языке можно датировать двояко: либо временем появления кыпчаков в Азербайджане (т. е. IX—XII вв.), либо временем монгольских походов (т. е. с XIII в.), ибо и в монгольском языке обезьяна называется „мэчин“. В. В. Цыбульский отмечает, что монгольский лунно-солнечный календарь 12-годового животного цикла проник в Иран (заодно и в Закавказье) в период монгольского владычества, т. е. XIII—XIV вв.²⁶ Именно в этом календаре 9-й год назван „мэчин жил“ (год обезьяны).

Нукъул — „все, что кушается с хлебом“, (УАРС, 181). В современном азербайджанском языке данное слово (ноғул) имеет другую семантику — „конфета с начинкой“, „сладости“, „засахаренные фрукты для закуски“. Но в сочинениях классиков данное слово употребляется с той семантикой, которая представлена в удинском языке. Например, в одном стихе Насими писал: Ичәр шәрабы лә'ли — чу сәрхош, өпәр ајағ, Нүгл ејләмәкдә чану чикәрдән диләр кәбаб „Пьет вино пьяный как драгоценную воду и целует бокал. Для закуски (нүгл) просит шашлык из печени“ (НДЛ, 52).

Как видим, в этом двустийшии речь идет о закуске к хлебу, о шашлыке из печени, а не о конфете или засахаренных фруктах. В значении еды, пищи данное слово употреблено в сочинениях Алишера Навои. Но комментаторы к изданиям его **сочинений ошибочно** пишут: „Нукл قۇل май ичданда ейиладиган ширинлик, мева, ва бошка хил емак (газак, закуска)“²⁷

²⁶ В. В. Цыбульский. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., „Наука“, 1964, стр. 207—208.

²⁷ Навоий асарлари лугати. Ташкент, 1972, стр. 474.

В отличие от современного азербайджанского языка удинский язык сохранил более архаичную форму, т. е. ту, которую мы встречаем у Насими (нукъул < нүгл — от арабского нәгл/нүгл نقل). Нүгл в удинском языке адаптирован: во-первых, по закону полногласия после „г“ добавлен второй гласный „у“, во-вторых, коренной „ү“ передан через посредство „у“, вследствие чего „г“ замещен „къ“.

ОтI „стыд, срам“; „застенчивость“, **отIбесун** „стесняться“ (УАРС, 184),

Удинский **отI** соответствует общетюркскому *ут-/от-* с той же семантикой. В „Древнетюркском словаре“ как основа дается глагол *утап-*, тогда как в тюркских языках встречаются варианты *ут-/от-уд-* по глухости и звонкости с чередованием гласных *у~о*. Такое чередование, как отмечено выше, наблюдается в древнетюркских языках (см. хотя бы *ойуғ~уйуғ* „пугало, огородное чучело“, *оғру~уғру* „вор“, *ойғур~уйғур* „будить“).

Удинский **отI** восходит к древнетюркскому *от-/ут-* (Гэдэми гутсуз кэлин дејинчэ, удсуз кэлин десинлэр „Лучше пусть зовут меня невестой бесстыдной (удсуз), нежели невестой, принесшей несчастье [в семью]“ — КДГ, + 35). Наконец, удинский **отI** имеет точное соответствие, с одной стороны, в турецком языке в виде *ut/ut* „стыд“²⁸, с другой — в диалектах и говорах азербайджанского языка (*отан-маг~утанмаг* „стыдиться“, *отан~утан* „постыдись“).

Пос- „разруха“, „развал“, „разлив“, „перелив“; **посбесун** „развалиться“, „разрушаться“, „портить(ся)“, „переливать(ся)“. *КIоджин бул поснепи* „развалилась верхняя часть дома“; *охъ поснепи* „река, разлившись, вышла из берегов“ (УАРС, 189).

Данное слово удинским языком было заимствовано дважды: как **пос-** в древности с вышеуказанной семантикой и как **позмиш-** из современного азербайджанского языка в значениях: „стереть, вычеркивать“, „расстроить(ся)“, „огорчать(ся)“, см.: *Ке цама позмишба* „зачеркни это письмо“; *без коьфаь позмишмаба* (азерб. кејфими поэма) „не расстраивай меня“.

Слово **пос-** в удинском языке не является адаптированной формой азербайджанского *поз-*, оно древняя форма наличествовавшая в языках савиро-хазарского союза, представленных в Кавказской Албании в V—VIII вв. Так как озвончение согласных в конце односложных слов в азербайджанском языке связано с утратой долготы предшествующими гласными, а для удинского языка исторически не были характерны (и сейчас не характерны) долгие гласные, то в последнем и сохранились древние глухие варианты. Вторично этот глагол, но уже в виде **позмиш-**, причем с другой семантикой, был заимствован из современного азербайджанского языка. Пожалуй, азербайджанский „поз-“ по своему значению тоже резко отличается от „пос-“, ибо первое не обозначает ни разруху, ни разлив, перелив и т. п. Для этих понятий в нем наличествуют глагольные основы *даш-*, *уч-*, *аш-* и т. д.

Пос- тюркологами включается в список общетюркских односложных корневых слов праязыкового состояния (см. СФТЯ, 193—196).

Саз/Сазлугъ „поле, покрытое зарослями“, „тростник“, „болотистое место“, „целина, неспаханное поле“ . . . (УАРС, 197).

В азербайджанском литературном языке „саз“ в указанных значениях почти не употреблялся, его можно встретить в пассивном фонде

²⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке М., 1962, стр. 392.

лексики северных и западных групп диалектов и говоров, особенно в зоне от Куткашена до Белоканов.

В орхонских и енисейских памятниках „саз“ нами не обнаружен²⁹, но в словаре Махмуда Кашгарского имеется „сай“ в значении „каменное место вулканического происхождения“ (МК, III, 158). В „Древнетюркском словаре“ оно дается в значении „пустынная равнина“ (ДТС, 481).

По мнению Н. А. Баскакова, „сас“ (болото) этимологически связано с „сай“: „Сай“, „мель“, „галька“, в других языках имеет также значение „высохшее русло реки“, „ложбина“, „овраг“ . . . Сас „болото“; в других языках саз „глина“, „глиняный“ и название „сас“ этимологически связаны с предыдущим словом „сай“ как по своему значению, так, и по фонетическому соответствию $\dot{y} \sim c/z$ ³⁰.

Исходя из фонетического соответствия $\dot{y} \sim c/z$, Л. В. Дмитриева отмечает, что древнетюркский „йиз“ соответствует гагаузскому „саз“, туркменскому „саз“ и узбекскому „соз“³¹. (ср. азерб. йаз~саз из соответствий $\dot{y} \sim c/z$).

А. П. Дульзон в тюркских языках Западной Сибири отмечает слово „сас“ с первичной долготой — „са:с“ (болото)³². Поэтому верным является мнение И. Г. Добродомова о том, что „саз“ древнетюркское слово: „тюрк. Saz > турк. $\dot{v} \dot{a} \delta$ (<*Saz), чуваш. $\dot{S}ur$, кирг. Saz „мокрые луга, болота“, венгер. $\dot{S}ar$ „болото, топь“³³ (см. также СФТЯ, 161).

Как видно из вышесказанного, сас~саз в тюркских языках имеет одно общее номинативное значение с некоторыми семантическими оттенками: если в одном случае оно означает „болото“, то в другом — „поле, покрытое зарослями“ и т. д. Данное слово широко представлено в „Китаби—деде Коркут“ (см. КДГ, 67, 75, 144 . . .).

В удинском языке широко употребляется как „саз“, так и производное от него „сазлугъ“ в том же значении. Причем каждый такой саз имеет и собственное имя, как это мы встречаем в „Китаби-деде Коркут“ (см. *Талы сазы, Дана сазы, Аф саз* . . . КДГ, 67, 75, 144).

Тай-, Тайесун „идти, ехать“, **тайшесун** „вести, нести“ . . . (УАРС, 202).

Б азербайджанском языке нет формы *тай-*, а в кумыкском языке наличествует „таймакъ I“: 1) уходить, удаляться . . . 2) сниматься; уходить, оставлять . . . Таймакъ II. „поскальзываться, отступаться . . .“³⁴

Интерес представляет то, что удинским языком заимствовано не масдарная форма **таймак**, а именная глагольная основа *тай-*, которая отсутствует в азербайджанском, кумыкском и других современных тюркских языках.

По устному сообщению доктора филологических наук В. И. Асланова в азербайджанском языке, как и в кумыкском, **таймак** значит поскальзываться (синоним „сүрүшмәк“). Это дает повод полагать что в староазербайджанском языке наличествовало и первое значение дан-

²⁹ В „Osmanlica-türkçe ansiklopedik lûgat“е Ферита Девелли оглы (Анкара 1962) „саз“ дается как персидское слово в значении „степь, пустыня, равнина“.

³⁰ Н. А. Баскаков. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. Сб.: Топонимика Востока, М., „Наука“, 1969, стр. 66.

³¹ Л. В. Дмитриева. Названия растений в тюркских языках. В кн.: „Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков“, Л., „Наука“, 1972, стр. 222.

³² А. П. Дульзон. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив. „Советская тюркология“, 1973, №5, стр. 100.

³³ И. Г. Добродомов. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков. „Советская тюркология“, 1971, №2, стр. 82

³⁴ Кумыкско-русский словарь. Под редакцией З. З. Бамматова. М., 1969, стр. 300.

ного слова, а именно: уходить, удалиться и т. п., которое было заимствовано удинским языком.

Таьнгаь „деньги“ (всякие—УАРС, 203).

В современном азербайджанском языке тэнкэ не употребляется, но в произведениях классиков азербайджанской литературы XV—XIX вв. тэнкэ было употреблено синонимично с ахча/акча, пара, пул. Данное слово представлено не во всех тюркских языках.

По мнению М. Фасмера оно имеет персидское происхождение (др. перс. *ḍačāx*, сред. перс. *dāng*, новоперс. *dānag* „монета“,³⁵ а по М. Рясянену, оно хантыйское слово (*täŋkä*) в значении „копейка“, которое было заимствовано тюркскими, монгольским и русским языками в период монгольского завоевания³⁶.

В таком случае, единственным источником заимствования *tāngä* как в удинском, так и в азербайджанском, армянском и грузинском языках, остается монгольский язык во времена **монгольского** нашествия. М. А. Сейфеддини отмечает, что в конце XIII—начале XIV веках в Азербайджане чеканили денежные единицы „теньга“ и „кебеки“ (т. е. копейки). „После завоевания Азербайджана Тимуром, начиная с 797 г. (1394/1395), денежная единица теньга перешла из тимуридской монетной системы в систему Джелаиридов, а затем была принята в монетной системе государства Кара-Коюнлу“³⁷.

Это довольно убедительно, ибо, как раз после этого периода в азербайджанских письменных источниках было зафиксировано „*tāngä*“. В „Дахнаме“ Шах Исмаила Хатаи это слово встречается неоднократно (см., напр., Бојанды зэмин һезар рэнкэ, оврәги-шәчәр дэ тэнкэ-тэнкэ „Земная поверхность была окрашена в тысячу цветов. А листья ее деревьев подобны множеству тенге“)³⁸.

Исходя из вышесказанного можно предполагать что данное слово в XIII—XIV вв. одновременно проникло в азербайджанский, удинский, грузинский и армянский языки. Удинский язык сохраняет исконную форму данного слова с „нг“, а в армянском (танка) и грузинском (танка) оно подверглось незначительной адаптации.

Цап- „косить“ (траву, сено и т. п.); „рассечь рассекать“ (УАРС, 232). Эквивалентом удинского **цап-** в азербайджанском языке является **чап-**. Сказанное относится и к слову **цах**. „зеленая ветка вяза для разведения кокона“ (УАРС, 232), эквивалентом которого в азербайджанском языке служит **шах** (<чах?); **члаькъ** „молния“, „гром“ (УАРС, 235)—азерб. **чак/чах-**, восходящий к общетюркскому **чак-** „высекать огонь“, „сверкать (о молнии)“; **цицлик** (УАРС, 234)—азерб. **чи-чак** „цветок“ (др. тюрк. *сісак сесак*).

Хотя заимствованный из ц—диалекта в удинском языке немало, они все же требуют особого рассмотрения.

Из ряда соответствий д/т/з/ц/й ближайшим тюркским эквивалентом удинской зубной глухой аффрикаты „ц“ может быть „ц“. Фонетическая характеристика полуаффрикаты „ц“ в древнетюркских языках, описывается по-разному³⁹. Если тюркский „ц“, как это предполагается.

³⁵ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 498

³⁶ М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М. 1955, стр. 25.

³⁷ М. А. Сейфеддини. Монетная система в Азербайджане в XIV и первой половине XV в. „Нумизматика и эпиграфика“, XI, М., 1974, стр. 207.

³⁸ Хатаи. Дәһнамә. Баку, 1959, стр. 14.

³⁹ См.: А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., „Наука“, 1970, стр. 160, А. П. Дульзон. Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков. „Советская тюркология“. 1971, №2, стр. 18—19.

действительно был межзубным, то в тюркских заимствованиях удинского языка он может передаваться как через межзубный „ц“, так и зубноязычный „ч“. Доказательством этому служит, с одной стороны, удинские **цах, цап-**, восходящие к тюркским „чах~шах“ и „чап-“, а с другой — **кашI-**, восходящий к древнетюркскому кас— (кац-?) Передача древнетюркского „ц“ из **цIицIик** и **цIаъкъ** в удинском языке через посредство преруптивного (исторически абруптивного) „цI“ показывает, что в языках савиро-хазарского союза был также звонкий коррелят „ц“, в виде межзубного „дз“.

Б. А. Серебренников также считает, что „аффриката ts часто предполагает существование аффрикаты dz . . . В малкарском диалекте карачаево—балкарского языка аффриката ч основного диалекта заменяется через ц. Цокание одновременно сопровождается так называемым зоканием, т. е. замещением аффрикаты дз звуком з. Можно предполагать, что з появилась в результате ослабления аффрикаты . . . “⁴⁰.

В свете сказанного можно предполагать, что слова с анлаутным „ц“ в диалектах азербайджанского языка не являются следствием чередования ч~ц, как это имеет место в карачаево—балкарском языке. а реликтом древней полуаффрикаты „ц“ (*цай* „чай“, *цапар* „забор“...). При чем она имеет свой звонкий коррелят „дз“. По устному сообщению кандидата филологических наук С. М. Бехбудова, данный звук в джебраильских и зангеланских говорах азербайджанского языка фонологически колеблется между звонкими аффрикатами „дж“ и „дз“, ибо информанты вместо „дж“ произносили „дз“: **дзалин, дзаман, Дзамал** и т. д. **вм. йалын** „голый“, **йаман** „дурной, плохой“, **Джамал** „личное имя“. Глухой коррелят этого „дз“ можно наблюдать в ордубадском и в некоторых других диалектах и говорах азербайджанского языка. Напр.: **цай** „чай“, **цох** „много“, **цырах** „лампа“, **чалаған** „коршун“, **цэпэр** „забор“, **цобан** „пастух“ и т. д.⁴¹ (вместо *чай, цох, чырах, чалаған, чэпэр, цобан*).

Чав „слава, известность“ (УАРС, 236).

В древнетюркских языках „чав“ имел два номинативных значения — „слава, известность“ и „молва“. В письменных памятниках в первом значении „чав“ встречается с фонетическими разновидностями, из коих *čav* и *čab* (слава, известность, молва) отмечены в „Древнетюркском словаре“ (стр. 135).

В большинстве тюркских письменных памятниках, в том числе и в орхонских надписях мы имеем основу *сав*, которую в таком виде зафиксировал и Махмуд Кашгарский (*сав:şöhret, şan; ses*—МК, I, 45; II, 250). Но по мнению А. П. Дульзона, древнетюркской формой была *саб*, которой соответствует шорский *šar* и барабинский *šar* (из соответствий ч~ш~ц~с)⁴².

Отметим, что фонетические разновидности, или разночтение в письменных источниках слова „*саб/сав*“ несколько не влияет на его семантику, во всех древних источниках оно значит „слава, известность“ и „молва“.

„чав“ удинским языком заимствован давно, оно сохранено в та-

⁴⁰ Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике: М., „Наука“, 1974, стр. 287—288.

⁴¹ Более подробно см.: М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). „Исследования по грамматике и лексике тюркских языков“. Ташкент, „Ылым“, 1965, стр. 11.

⁴² См.; А. П. Дульзон. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернации, стр. 98.

ком же виде, в каком встречается в тюркских письменных источниках VII—XV вв., причем, заимствован он не только удинским языком, в виде „чав/чалов“ с той же семантикой он употребляется в табасаранском, лакском, аварском и в ряде других горских кавказских языках.

Чавлугъ „прославленность, знаменитость“ (УАРС, 236). В „Кутадгу билиг“е имеется словосочетание „cavluḡ külüḡ и“ cavliḡ külüḡ в значении „прославленный и знаменитый“ (см. ДТС, 135, 142).

Слово „чавлугъ“ в удинском языке было заимствовано тогда же, когда было заимствовано „чав“. В удинском языке все древние заимствования с-луḡ сохранили его без изменения, хотя этот аффикс замещен в азербайджанском языке четырехвариантным -лыг/-лик/-луг/-лүк.

Шилан/шила „рисовая каша“ (УАРС, 248); ныне употребляется только лишь в варташенском диалекте удинского языка. Данное слово широко распространено в кавказских языках, наличествует оно в грузинском и армянском языках.

Говоря о названии блюд, заимствованных армянскими и грузинскими языками из тюркских языков, исследователи почему-то упускают из виду названия таких важных блюд, с точки зрения истории сельджукских огузов, как „šülān“. Дело в том, что если „бозбаш“, „кавурма“, „долма/толма“ и др., упоминаемые в словаре Махмуда Кашгарского, были общетюркскими блюдами, приготовляемые каждой семьей, то „шүлән“ являлся церемониальным блюдом; его готовили, в основном в домах верховных правителей огузов, или перед походами, или в дни свадьбы, совещаний огузских ханов и беков. Это явствует из „Китаби-деде Коркүт“ (Бамси Бейрек на свадьбе Ялынчыка съедает шүлән, а потом опрокинул котлы с шүлән—ом—КДГ, стр. 62) и из азербайджанских народных дастанов (см. в „Сәј-јад вә Сәдәм“... Мәчлисим гурула, шүләним бишә „Чтобы началось мое пиршество и сварился шүлән“).

Из указанных источников явствует, что „шүлән“ готовился из баранины с рисом; оно, как и у древних тюрков, по сей день удинами, грузинами и армянами готовится из баранины и подается на стол в дни больших торжеств, свадеб и т. п. В удинском языке оно называется „шилан“ или „шилаплав“, в грузинском „шила плави“, в армянском „шила плав“, а в его диалектах, представленные на территории Азерб. ССР—„шила(н)“.

В азербайджанском литературном языке слово „шүлән“ не употребляется, но в казахском, кубинском и некоторых других диалектах и говорах наличествует „шила плов“⁴³.

В данной статье дан лингвистический анализ немногих древнетюркских азербайджанских заимствований в удинском языке. Число таких заимствований в удинском языке более двухсот и исследование их представляет большой научный интерес для изучения истории азербайджанского языка.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., „Наука“, 1969.

ИЛАЯ — В. И. Асланов. Историческая лексика азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, „Элм“, 1973.

КДГ — Китаби-дәдә Горгуд. Баку, Азәрнәшр, 1962.

⁴³ Диалектологический словарь азербайджанского языка, стр. 469.

МК — Mahmud Kaskarlı. Divanü lügat-it türk tercümesi. Cevireni Besim Atalay, т. I—III, Ankara, 1939—1941.

НДЛ — Чаһанкир Гәһрәмәнов. Нәсими „Диваны“нын лексикасы. Бакы, „Елм“, 1970.

СФТЯ — А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л, „Наука“, 1970.

УАРС — Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, „Элм“, 1974.

ЭСТЯ — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, т. I. М., „Наука“, 1975.

Ворошил Гукасјан

УДИН ДИЛИНДӘ ГӘДИМ ТҮРКИЗМЛӘР

Мәгаләдә удин дилиндә Азәрбајчан дилиндән V—XVI әсрләрдә алынмыш, бә'зиләри Азәрбајчан дилиндә унудулмуш агъу „ачы, зәһәр“, агъулугъ „ачылыг“, айнакъ „стәкан, бадә“, айт „сөз“, ахъ (ар(х))ор „чај, гобу“, бедук „бөјүк“, жіук (<джук) „иј“, инкаън „чох артыг“, каш „газымаг“, каънкиш „мәсләһәт, мүшавирә“, хъай- „гајытмаг, гајтармаг“, къач „дар“, „дилим“, маъчаън „мејмун“, нукъул „јаванлыг“, пос- „дағылмаг, дашмаг, учмаг“, саз (сазлугъ) „гамышлыг, пөһрәлик“, тай- „кетмәк“ таънка „пул“, цап- „чапмаг, бичмәк“, чав „ад, сан“, цлаъкъ „илдырым“ вә с. сөзләрин тарихи-филологи анализи верилир.
